

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Ночь
нежна

Издательство АСТ
Москва

*И вот уже мы рядом. Ночь нежна.
Как здесь темно!
...И тот лишь свет, что в силах просочиться
Сквозь ставни леса и засовы сна.*

Джон Китс. «Ода соловью»*

---

* Перевод А. Грибанова. — Здесь и далее примеч. пер.

*Джералду и Саре
с пожеланием многих праздников*

КНИГА ПЕРВАЯ

I

В чуждом месте на берегу Французской Ривьеры, примерно на полпути между Марселем и итальянской границей, стоит горделивое, розового цвета здание отеля. Пальмы почтительно заслоняют от зноя его фасад, перед которым ослепительно сверкает на солнце короткая полоска пляжа. Впоследствии этот отель стал модным летним курортом для избранной публики, а тогда, десять лет назад, он почти опустевал, после того как в апреле его покидали постояльцы-англичане. Теперь он оброс гроздьями коттеджей, но во времена, на которые приходится начало этой истории, между принадлежавшим некоему Госсу отелем для иностранцев — «Отель дез Этранже» и расположенным в пяти милях от него Канном среди сплошного соснового леса словно водяные лилии на пруду проглядывали тут и там макушки дюжины чахнувших старых вилл.

Отель и ярко отливавший бронзой молельный коврик пляжа составляли единое целое. Ранним утром дальний абрис Канна, розово-кремовые стены старых крепостей и лиловые Альпы, окаймляющие итальянский берег, отражаясь в воде, подрагивали на морской ряби, которую колышание водорослей посылало на поверхность прозрачного мелководья. Ближе к восьми часам мужчина в синем купальном халате спускался на пляж и после долгих предварительных обтираний холодной водой, которые сопровождалось криканьем и громким сопением, с минуту барахтался в море. После его ухода пляж и бухта еще около часа

оставались безлюдными. На горизонте с востока на запад тянулись торговые суда; во дворе отеля перекрикивались мальчики-посыльные; на соснах высыхала роса. Еще час спустя звуки автомобильных клаксонов начинали доноситься с извилистой дороги, бежавшей вдоль невысокого массива Маврских гор, отделяющего побережье от собственно французского Прованса.

В миле от моря, там, где сосны уступали место пыльным тополям, располагалась уединенная железнодорожная станция, откуда июньским утром 1925 года автомобиль «Виктория» вез в отель Госса даму с дочерью. Лицо матери еще хранило увядающую миловидность, его выражение было одновременно безмятежным и доброжелательно внимательным. Однако всякий тут же перевел бы взгляд на дочь: необъяснимая притягательность таилась в ее нежно-розовых ладонях и щеках, на которых играл трогательный румянец, какой бывает у детей после вечернего купания. Чистый лоб изящно закруглялся к линии волос, обрамлявших его наподобие геральдического шлема и рассыпавшихся волнами светло-золотистых локонов и завитушек. Яркие, большие, ясные глаза влажно блестели, а цвет лица был естественным — сильное молодое сердце исправно гнало кровь к поверхности кожи. Тело девушки застыло в хрупком равновесии на последнем рубеже детства, которое почти закончилось — ей было без малого восемнадцать, — но роса на бутоне еще не высохла.

Когда внизу, под ними, обозначилась тонкая знойная линия горизонта, соединявшего небо и море, мать сказала:

- Что-то мне подсказывает, что нам здесь не понравится.
- В любом случае я хочу домой, — ответила девушка.

Мать и дочь разговаривали беззаботно, но было очевидно, что они не знают, куда податься дальше, и это их томит, поскольку ехать куда глаза глядят все же не хотелось. Они жаждали волнующих впечатлений, но не потому, что нуждались во взбадривании истощенных нервов, скорее они напоминали завоевавших приз школьников, уверенных, что заслужили веселые каникулы.

— Поживем здесь дня три, а потом — домой. Я сейчас же закажу билеты на пароход.

С администратором в отеле разговаривала девушка, ее французский изобилует идиоматическими оборотами, но был слишком гладок, как любой хорошо заученный язык. Когда они устроились на нижнем этаже, в номере с высокими французскими окнами, через которые лились потоки света, она открыла одно из них и, спустившись по ступенькам, шагнула на каменную веранду, опоясывавшую все здание. У нее была походка балерины, она не переносила тяжесть тела с одного бедра на другое, а словно бы несла ее на поясице. Горячий свет вмиг сжал ее тень, и девушка попятилась — глазам было больно смотреть. Впереди, ярдах в пятидесяти, Средиземное море миг за мигом уступало жестокости светилу свою синеву; под балюстрадой на подъездной аллее жарился на солнце выцветший «бьюик».

В сущности, на всем побережье лишь этот пляж оживляло человеческое присутствие. Три британские няни вплели устаревшие узоры викторианской Англии — сороковых, шестидесятых и восьмидесятых годов — в свитера и носки, которые они вязали под жужжание пересудов, однообразное, как литании; ближе к воде под полосатыми пляжными зонтиками расселось человек десять-двенадцать, такая же немногочисленная стайка детей гонялась на мелководье за непугаными рыбками, несколько ребятишек, блестя натертыми кокосовым маслом телами, голышом загорали на солнце.

Как только Розмари вступила на пляж, мальчик лет двенадцати пронесся мимо нее и, торжествуя вопя, с разбега плюхнулся в море. Испытывая неловкость под пристальными взглядами незнакомых людей, она сбросила купальный халат и тоже вошла в воду. Несколько ярдов она проплыла, опустив лицо в воду, но обнаружила, что у берега слишком мелко, и, встав на дно, побрела вперед, с трудом преодолевая сопротивление воды стройными ногами. Зайдя выше пояса, оглянулась: стоя на берегу, лысый мужчина в купальном трико, с обнаженной волосатой грудью

и пупком-воронкой, из которой тоже торчал пучок волос, внимательно наблюдал за ней в монокль. Встретившись взглядом с Розмари, он отпустил монокль, тут же скрывшийся в волосяных дебрях его груди, и налил в бокал что-то из бутылки, которую держал в руке.

Окунув голову, Розмари поплыла рубящим четырехударным кролем к плотику. Вода объяла ее, ласково укрыв от жары, просочилась сквозь волосы и проникла во все складки тела. Розмари обнимала ее, ввинчивалась в нее, качалась на ней в ритм волнам. Доплыв до плотика, она порядком запыхалась, но с плотика на нее смотрела загорелая дама с ослепительно белыми зубами, и, внезапно осознав неуместную бледность собственного тела, Розмари перевернулась на спину и, отдавшись течению, заскользила к берегу. Когда она вышла из воды, волосатый мужчина с бутылкой заговорил с ней:

— Хочу предупредить: там, за рифами, водятся акулы. — Национальность мужчины определить было трудно, но в его английском явно слышался протяжный оксфордский акцент. — Вчера в Гольф-Жуане они слопали двух британских моряков.

— Боже праведный! — воскликнула Розмари.

— Они подплывают к кораблям за отбросами, — пояснил мужчина.

Бесстрастность его взгляда, видимо, должна была свидетельствовать, что он всего лишь хотел предостеречь новенькую; отойдя на два коротких шажка, он снова наполнил бокал.

Не без приятности смутившись, поскольку этот разговор привлек к ней некоторое внимание окружающих, Розмари огляделась в поисках места, где можно было бы приземлиться. Каждое семейство явно считало лоскуток пляжа непосредственно вокруг зонта своим владением; однако отдыхающие постоянно переговаривались, ходили друг к другу в гости, и между ними царила свойская атмосфера, вторгнуться в которую было бы проявлением бесцеремонности. Подальше от воды, там, где пляж был покрыт галь-

кой и засохшими водорослями, собралась компания таких же бледнокожих, как она сама. Они укрывались не под огромными пляжными, а под маленькими ручными зонтами и, очевидно, не были здесь аборигенами. Розмари отыскала местечко между теми и другими, расстелила на песке халат и улеглась на него.

Поначалу она слышала только слитный гул голосов, чувствовала, когда рядом, обходя ее, шаркали чьи-то ноги и тень на мгновение заслоняла от нее солнце. В какой-то момент горячее нервное дыхание любопытной собаки пахнуло ей в шею. Она ощущала, как от жары начинает пощипывать кожу, тихие вздохи обессилевших на исходе волн баюкали ее. Но вскоре она стала различать смысл речей и узнала, что некто Норт, которого пренебрежительно именовали «этим типом», накануне вечером похитил официанта в каннском кафе, чтобы распилить его надвое. Рассказчицей была седая дама в парадном туалете, видимо, не успевшая переодеться с предыдущего вечера: на голове у нее красовалась диадема, а с плеча свешивалась увядшая орхидея. Почувствовав смутную неприязнь к даме и всей ее компании, Розмари отвернулась от них.

С этой стороны ее ближайшей соседкой оказалась молодая женщина, лежавшая под крышей из нескольких зонтов и выписывавшая что-то из открытой перед ней на песке книги. Она спустила с плеч бретельки купального костюма, обнажив спину, медно-коричневый загар которой оттеняла сиявшая на солнце нитка кремового жемчуга. В красивом лице женщины угадывались одновременно жесткость и жалобность. Она встретилась глазами с Розмари, но не видела ее. За ней сидел статный мужчина в жокейском кепи и красном полосатом трико; дальше — женщина, которую Розмари видела на плотике, эта в отличие от первой ответила на ее взгляд; еще дальше — мужчина с вытянутым лицом и золотистой львиной шевелюрой, он был в синем трико, без головного убора и вел какую-то серьезную беседу с молодым человеком определенно романского происхождения в черном трико, при этом оба

просеивали сквозь пальцы песок, выбирая из него кусочки водорослей. Розмари решила, что большинство этих людей — американцы, но что-то отличало их от тех американцев, с которыми ей доводилось общаться в последнее время.

Понаблюдав за компанией, она догадалась, что мужчина в жокейском кепи дает небольшое представление; он с мрачным видом ходил вокруг с граблями, делая вид, что сгребает гальку, а между тем, сохраняя невозмутимо серьезное выражение лица, явно разыгрывал некий понятный лишь посвященным бурлеск. Несоответствие было настолько уморительным, что в конце концов уже каждая его фраза вызывала бурные взрывы хохота. Даже те, кто, как она сама, находились слишком далеко, чтобы слышать, что он говорит, стали настраивать на него антенны внимания, пока единственным на всем пляже не вовлеченным в игру человеком не осталась молодая женщина с ниткой жемчуга на шее. Вероятно, скромность обладательницы заставляла ее с каждым новым залпом веселья лишь ниже склоняться над своими заметками.

Внезапно словно бы с неба над головой Розмари раздался голос человека с моноклем и бутылкой:

— А вы отличная пловчиха.

Розмари попыталась возразить.

— Нет, правда, просто великолепная. Моя фамилия Кэмпбон. Среди нас есть дама, которая говорит, что видела вас на прошлой неделе в Сорренто, знает, кто вы, и была бы очень рада с вами познакомиться.

Скрывая досаду, Розмари оглянулась и заметила, что незагорелая компания выжидательно наблюдает. Она нехотя встала и пошла за Кэмпьоном.

— Миссис Эбрамс... Миссис Маккиско... Мистер Маккиско... Мистер Дамфри...

— А мы знаем, кто вы, — не удержалась дама в вечернем туалете. — Вы Розмари Хойт, я узнала вас по Сорренто, и портье подтвердил; мы все в восторге от вас и хотели бы спросить, почему вы не возвращаетесь в Аме-

рику, чтобы сняться еще в каком-нибудь замечательном фильме.

Несколько человек жестами пригласили ее сесть рядом. Дама, которая узнала Розмари, несмотря на фамилию, не была еврейкой. Она являла собой образчик тех «бодрых старушек», которые хорошо сохраняются и плавно перетекают в следующее поколение благодаря своей непробиваемости и отличному пищеварению.

— Мы хотели предупредить вас, что в первый день ничего не стоит незаметно для себя обгореть, — продолжала весело щебетать дама, — а *вы* должны заботиться о своей коже. Но здесь, похоже, придают такое значение чертову этикету, что мы не знали, как вы к этому отнесетесь.

II

— Мы подумали: вдруг вы тоже участвуете в заговоре, — вклинилась миссис Маккиско, хорошенькая молодая женщина с лживыми глазами, обладавшая обескураживающим напором. — Мы не знаем, кто в нем замешан, а кто нет. Человек, к которому мой муж отнесся с особым расположением, оказался одним из главных персонажей — фактически вторым после героя.

— В заговоре? — непонимающе переспросила Розмари. — Здесь существует какой-то заговор?

— Дорогая моя, мы не знаем, — подхватила миссис Эбрамс, судорожно кудакнув, как свойственно тучным женщинам. — Мы в нем не участвуем. Мы — галерка.

Мистер Дамфри, женоподобный молодой человек с волосами, похожими на паклю, заметил:

— Матушка Эбрамс сама — сплошной заговор.

Кэмпьон погрозил ему моноклем:

— Но-но, Роял, не сгущайте краски.

Розмари чувствовала себя не в своей тарелке и жалела, что рядом нет матери. Ей не нравились эти люди, особенно при непосредственном сравнении с теми, на другом кон-